

Алексей Будищев

Счастье

Алексей Николаевич Будищев

Счастье

Аннотация

«Костя, худенький и бледный мальчик с скорбными глазами, вышел из хаты и робко присел на завалинку. Отец и мать Кости ушли в город за реку. Было еще не поздно, солнце не закатывалось. Город находился всего в полуверсте от той пригородной деревушки с десятью дырявыми дворами, где жили мать и отец Кости; но тем не менее они должны были возвратиться не скоро – мальчик хорошо знал это. Он хорошо знал также, что они пошли в город затем, чтобы пристроить его в ученики к сапожнику Милкину, несмотря на то, что мальчику исполнилось всего только 9 лет. Впрочем, Костя не осуждал за это родных, хотя жизнь у сапожника его пугала чрезвычайно. Но что делать? Он прекрасно сознавал, что он в семье лишний рот, который нужно поскорее сбить, и что его никто не любит, кроме бабушки. А бабушку тоже никто не любит; она тоже лишний рот, так как от старости она неспособна к работе. Она еле ходит...»

Алексей Будищев

Счастье

Костя, худенький и бледный мальчик с скорбными глазами, вышел из хаты и робко присел на завалинку. Отец и мать Кости ушли в город за реку. Было еще не поздно, солнце не закатывалось. Город находился всего в полуверсте от той пригородной деревушки с десятью дырявыми дворами, где жили мать и отец Кости; но тем не менее они должны были возвратиться не скоро – мальчик хорошо знал это. Он хорошо знал также, что они пошли в город затем, чтобы пристроить его в ученики к сапожнику Милкину, несмотря на то, что мальчику исполнилось всего только 9 лет. Впрочем, Костя не осуждал за это родных, хотя жизнь у сапожника его пугала чрезвычайно. Но что делать? Он прекрасно сознавал, что он в семье лишний рот, который нужно поскорее сбыть, и что его никто не любит, кроме бабушки. А бабушку тоже никто не любит; она тоже лишний рот, так как от старости она неспособна к работе. Она еле ходит.

Кроме того она лакомка и воровка. Так по крайней мере, бабушку зовет ее дочь, а его, Костина, мать. И это правда. Всю весну бабушка, вечно чувствовавшая себя впроголодь, воровала у кур яйца и свое воровство сваливала на собаку Лыску. Бабушка выдала себя тем, что громче всех всегда ругала Лыску за это и даже швыряла в нее поленьями. В конце

концов Костин отец собственноручно повесил Лыску, чтоб бабушке не на кого было сваливать свои грехи.

Все это пришло в голову Кости, когда он вышел из покосившейся хаты отца.

Его отец, впрочем, не родной ему отец. Мать родила Костю, когда она была девушкой; поэтому-то она и не любит его, так как он не принес ей ничего, кроме позора. А замуж она вышла всего только несколько лет тому назад, когда Костя мог уже играть в лошадки, за вдовца бондаря, у которого есть свои дети и которому по этой причине любить Костю не к чему. Да бондарю и некогда заниматься такими делами, так как он вечно должен думать о том, чем бы заткнуть ненасытные рты своего семейства. Эти вечные заботы и нужда сделали бондаря и его жену злыми, сварливыми и раздражительными, и они вечно пилят Костю и бабушку. В особенности же достается Косте, которого нередко колотят. На каждом местечке его худенького тела всегда сидит несколько колотушек. А раз бондарь бил мальчика так жестоко по худенькому личику и по курчавой русой головке, что надо удивляться, как ребенок не сделался идиотом. Эти ужасные побои обрушились на голову Кости за то, что мальчик как-то раз пожелал сварить уху из головастика. Для этой цели он зажег у сельского гумна костер, а вместо кастрюли воспользовался новым картузом бондаря, стоившим 63 копейки. В картуз мальчик налил воды, а в воду запустил головастика. Впрочем, попробовать своей ухи мальчику так

и не пришлось; у костра его накрыл бондарь, и бабушка принесла Костю с гумен полумертвого.

Костя припомнил и это, присев на завалинке у хаты и скорбно поглядывая за реку грустными глазами. Собственно, он должен был бы радоваться отсутствию родителей; в такие минуты он всегда чувствовал себя спокойнее. Но сегодня весь вечер его сердце томилось и мучилось; его пугала будущая жизнь в учениках у сапожника, и он все глядел за реку, грустный и молчаливый, погруженный в свои думы. Только на минуту уличная жизнь пригородной деревушки оторвала мальчика от его дум. Мимо Кости прошел его товарищ Гришка, сын медника, и сказал ему сиплым недетским голосом:

– Коська, а Коська, скажи: ты солдат.

Костя сказал:

– Ты солдат.

Гришка ответил ему с хриплым хохотом:

– А ты кошкин брат! – и побежал вприпрыжку пыльной улицей, мелькая загорелыми ногами.

Эта фраза рассердила Костю; внезапно ему захотелось отпарировать насмешку товарища одной из тех уличных остроумий и непристойностей, которых он знал тысячи. Однако, долго он не находил в своей памяти ничего подходящего и наудачу он пустил вдогонку:

– А я не хочу и тебе в рот заколочу!

Такой ответ совершенно его удовлетворил, и он снова по-

грузился в свои думы.

Вскоре затем, уложив троих детей бондаря спать, всех на одну постель, из хаты выползла и бабушка. Она присела на завалинке рядом со внучком и сначала долго что-то жевала своими синими губами. Вероятно, она только что съела чего-нибудь потихоньку от всех, так как часто она проделывала это, сгорбившись где-нибудь в углу и лакомясь, огурцом, морковью или репою, которые доставала из необъятных карманов своей вытертой юбки. Затем она вытерла синие губы рукавом линючей кофты и сказала с апатичным взором:

– Лыску удавили, – воронье одолело. Воронье яйца тащат! А ворон, э-э, Царица Небесная, всех ворон им, Костенька, не перестрелять!

Она вздохнула, пососала губы, поникла на грудь серо-зеленым лицом и закрыла глаза. Через минуту она, однако, открыла их и сказала:

– А я, Костенька, сон видела.

Костя хорошо знал, что бабушка может закрыть глаза на минуту и увидеть в это время сон, который не перескажешь и в три часа. И он спросил:

– Какой, бабушка, сон?

Сон на этот раз оказался коротким; бабушка отвечала:

– Будто сижу я, Костенька в булочной, и воздух, э-э, Царица Небесная, сладкий-расладкий!

И с тем же апатичным взором она добавила:

– А тебе, Костенька, у сапожника смерть будет!

Бабушка ближе придвинулась к внучку, погладила его рукой по волосам, похожим на ковыль, и стала говорить, посаывая синие губы.

– Плохо наше дело, Костенька, – говорила она апатично, – э-э, Царица Небесная! Запряжет тебя сапожник в хомут, заколотит, защиплет, заругает. Будешь ты воду носить, кадушки с капустой возить, ребятишек нянчить. А ласка, – от кого ласка? Бабушки-то ведь возле не будет! Э-э, Царица Небесная, смерть куда лучше! Ангелы любят детей, ласкают детей, крылышками им светят, по саду райскому с ними гуляют. А в раю радость и пенье, птицы золотые порхают, цветы лазоревые цветут, дым кадильный, как туман, вьется. Э-эх, Царица Небесная, так бы и не ушла!

Так говорила старуха, и ужас перед будущей жизнью все более и более овладевал сердцем ребенка.

Долго бабушка и внучек сидели на завалинке, уныло переговариваясь о том, что ожидает мальчика. При этом все серо-зеленое лицо бабушки выражало такую безграничную апатию, такую бесконечную скуку, что от всей ее фигуры как будто уже пахло могилой. А темные и большие глаза Кости сияли такой же бесконечной скорбью. Они оба были худы и от их одежд, насквозь постиранных и истлевших, веяло безысходной нуждою. Веяло тою же нуждою и от хаты, которая, как дряхлая и убогая старуха, стояла за их спинами вся разошедшаяся, с покоробленной крышей, обросшей по швам мхом.

И все трое – и хата, и люди – жалкой картиной вырисовывались на синем фоне вечера и производили унылое впечатление.

Порою бабушка и внучек прекращали беседу и молча смотрели вдаль. Прямо перед их глазами за узенькой речонкой смирно лежал в ложине маленький городишко; малиновые тучи горели над городом, освещая крыши домов, в то время как узкие улицы уже погружались во мрак и походили на темные русла оврагов. Тучи горели и в речке, и слева под кручей тихая вода была окрашена в малиновый цвет и походила на поток крови. И эти черные ленты оврагов и малиновые пятна крови тоже наводили уныние.

Между тем, поглядывая под говор бабушки на унылые картины заката, Костя делался все задумчивей и его сердце томилось мучительней. Неожиданно он спросил бабушку:

– А что это за ангелы, бабушка?

Кое-что Костя знал об ангелах, но сейчас ему хотелось узнать о них подробнее. Бабушка отвечала ему, что ангелы любят детей и приходят к ним затем, чтоб взять их невинные душеньки к себе на светлое небо. А одеваются они а серебряные ризы с драгоценным камнем. Камень это делают из стекла красного, синего и зеленого и стоит оно очень дорого, так что за маленькое колечко с таким камнем надо заплатить, по крайней мере – пятак. При этом она добавила, что на пятак лучше всего купить две булки, так как с двух булок можно быть сытой пожалуй с полдня. Затем она снова

пожевала губами, снова закрыла их и, раскрыв через минуту, снова объявила, что видела сон. На этот раз сон ее оказался необычайно длинен. В какую-нибудь минуту она успела выпить пять стаканов чаю с лимоном и поругаться с соседкой из-за воблы, которую они обе вместе нашли на пыльной дороге. Костя, впрочем, ее уже не слушал, и когда она ушла спать в избу, полную гудящими у потолка мухами, он остался на завалинке один, погруженный в свои думы, с широко раскрытыми скорбными глазами, устремленными вдаль.

Долго он сидел так и ужас перед предстоящей жизнью у сапожника все рос и рос в его сердце.

Уже огненные тучи погасли над городом и крыши домов потемнели и слились в одно мутное пятно; уже малиновые потоки крови на тихой воде узенькой речонки сделались фиолетовыми; уже серая сова шмыгнула в синем воздухе при- тихшей деревушки и сизый туман задымился над камышами, а Костя все сидел и думал, маленький и босоногий, с глазами, полными грусти, в линючей рубашке и панталонах, висевших на его тонком теле, как на палочке. Ничего не видя и не слыша, он сидел, словно приросши к завалинке, и думал о том, что его ожидает, и его сердце наполнял ужас, и трепет пронизывал его худенькое тело ознобом.

Боже, что это будет за жизнь! Он уже видел картины этой жизни, повергавшей его в трепет. Он уже видел себя измученного работой, избитого пьяным сапожником, скорчившегося в грязном углу хлева в изодранной от побоев рубашон-

ке, с мучительной болью в сердце и во всем надорванном теле, с такой необъятной жаждой выплакать эту боль у милых и родных колен, у теплых и нежных рук. Но у него никогда не будет этих милых колен и этих нежных рук. Никогда, никогда! У него отнимут даже бабушку, чьи сморщенные руки умеют пролить в его сердце неизъяснимый восторг.

Костя все сидел на завалинке с побледневшим лицом, с глазами, светившимися такой бесконечной скорбью, с коричневыми кулачками, неподвижно лежавшими на изодранных коленях вылинявших панталон. Он думал. Если бы Бог сжалился над ним и послал к нему одного из своих ангелов в светлой ризе с драгоценным камнем! Если бы этот ангел увел его от сапожника в цветущие сады рая. Какими молитвами упросить Бога, какими словами умолить? Есть ли такие слова? Знает ли их кто? Что если ангел придет к нему сейчас? О, как он обрадуется ему! С какой лаской он приникнет к его святым коленам, склонясь под божественным взором его нежных глаз! Ах, если бы Бог сжалился над ним и послал ему это небесное счастье.

Костя сидел на завалинке и плакал, содрогаясь худеньким телом и прижимая кулачки к глазам.

Вокруг было тихо. Тихая улица маленькой пригородной деревушки спала. Из покосившейся и рассохшейся по всем швам хаты долетал храп бабушки, жевавшей губами и подавшей во сне жареный картофель. А за узкой рекой дремал в лощине маленький городок. И больше ничего. И ни один

звук кроме храпа бабушки и стопа ребенка не будил мертвой тишины уснувшего вечера.

И вдруг Костя испуганно вскочил с завалинки. Его глаза отразили ужас. Справа, оттуда, где через узкую речку перекинут шаткий переход, он услышал голос отца. Он догадался, что его отец и мать возвращаются из города домой, и что они уже на переходе. Он прислушался. Голос отца был силен и пьян. Мальчик понял все. Его пристроили. За косушку водки отец и мать отдали его на позор и муки. Мальчику нужно было спастись от этих мук.

Однако некоторое время Костя простоял неподвижно, не понимая, что ему нужно теперь делать, куда скрываться. Но затем все его существо охватил панический ужас и он понял, что ему надо бежать, бежать, куда глядят глаза, лишь бы скрыться, спрятаться, уйти. Он круто повернул налево от разошедшей хаты и побежал тихой улицей, весь согнувшись, чтобы не быть узнанным в мутном сумраке вечера. Бежал он быстро, работая руками и ногами, в обратную от перехода сторону, туда, где фиолетовые пятна зари лежали на тихой воде речки, как исполинские цветы. Рукава его рубашки раздувались, дыхание спиралось от бега, а он все бежал и бежал. В одну минуту он очутился на берегу, за кустами, скрывавшими его от тусклых взоров деревушки, на невысоком обрыве, как отвесная стена черневшем над речкой. С громко бьющимся сердцем, весь бледный и задыхающийся, он с разбега упал на колени и со стоном

вскрикнул:

– Возьми, возьми!

Он подождал секунду, переживая судорогу, дергавшую его губы, и с тем же стоном повторил:

– Возьми! Ангел, ангел!

И он умолк, поджидая ответа. Но ответа не было. Налево лежало тихое поле; тихое небо светилось звездами и такими же звездами светилась река с фиолетовыми цветами. Мальчик остался на коленях и поднял глаза к небу. В этой позе он застыл на несколько мгновений, с бледным лицом, освещенным небом, и коричневыми руками, опершимися в отвесный берег. Его лицо все горело скорбью, мукой, ужасом. Он разговаривал с Богом.

И вдруг среди невозмутимой тишины произошло нечто необычное, почти сверхъестественное. Совершилось чудо.

Белая и прозрачная тучка, неподвижно стоявшая до того мгновения на небе, как бы зацепившись за бледный серп месяца, внезапно оторвалась от его светлого диска, сделала поворот и неслышным полетом упала на реку в нескольких саженях от того места, где стоял коленапреклоненный мальчик. Мальчик ясно видел это. Он видел, как на ее серебряной ризе вспыхнули звезды необычайной красоты, как она несколько мгновений простояла на одном месте, вся колеблясь и извиваясь, и затем тем же плавным полетом двинулась по реке к мальчику.

Все лицо Кости осветилось счастьем. Он прошептал:

– Ангел, ангел, возьми!

С жаждой ласки, теплой и нежной, как любимые руки, он простер свои ладони к небесному гостю и повторил:

– Возьми, возьми!

И белая тучка двигалась к нему, плавно скользя по реке, вся сверкая звездами, как драгоценным камнем. Наконец она поравнялась с ним, на минуту как бы остановилась, зацепившись за зеленые зубцы камыша, и вдруг взглянула в самое лицо мальчика, светлая и радостная, как небесный гость.

Простирая руки, Костя с радостным стоном бросился с отвесного берега на серебряные ризы небесного гостя. Однако вместо теплых и нежных рук ангела холодные руки смерти приняли мальчика. Его обманули. За что? Кто?

Костя дико вскрикнул и изо всех сил забарахтал рукам. Река всколыхнулась, заволновалась. Тишина напряженно дрогнула и издала стон. Линючая рубашонка горбом вздулась над спиной мальчика. А затем все исчезло. Исчезла и белая тучка, растаявшая как дым. Осталась одна река, мутная, и сначала колебавшаяся, но потом успокоилась и она, застыв от берега до берега, вся тихая, безмятежная и светлая, как небесное счастье.